

ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ

Е.И. ХАРЛАНОВА

Надежда Геннадиевна Серебренникова (Тамбов, Россия)

Образ пространства занимает центральное место в поэзии Е.И. Харланова. Для поэта пространство практически всегда предстает многослойным, многомерным, неоднородным и изменчивым. Обычное пространство, наполненное материальными объектами, т. е. то, которое находится вокруг нас, соседствует с другими нереальными пространствами фантазий, воспоминаний, снов и видений. Но эти ирреальные пространства доступны восприятию поэта. Вот почему он не только видит и ощущает их, но и может перемещаться в эти фантастические миры силою своего воображения. Для Е. Харланова ирреальный мир всегда рядом, и даже если сразу не обнаруживается, то затем "наплывает" на читателя, захватывая область привычного материального пространства, подчиняя его себе, в силу чего читатель уже не может подчас отличить реальное от фантастического и признаёт ирреальное гораздо более значимым. Этого поразительного эффекта практически всегда добивается Е. Харланов, но для него это естественно, так как поэт видит мир иначе, чем другие.

Пространство в поэзии Е. Харланова всегда сложно. Например, поэт видит, что за пространством рощи есть непонятное пространство сумрака или ночи, а за ночью - пространство целого мира, космическое пространство. Человеку только кажется, что он находится в роще, а на самом деле он связан с мирами таинственными, огромными и непостижимыми и, как часть этих миров, он способен ощущать то, что ощущают другие живые существа и даже весь необъятный мир. Именно это чувство передаёт поэт в стихотворении "Лошадь в сумерках".

В сумраке роща увязла.

Сумрак в ушах

шелестит.

Смутно
у тёмного вяза
лошадь
хрустит и грустит.

Кляксою
в войлоке ночи
Лошадь почти расплылась,
только алмазные
очи
тихо сияют
сквозь нас.

Словно никто не заброшен,
словно
никто не забыт.
Мир,
как огромная лошадь,
тихо
хрустит и грустит ...

("Лошадь в сумерках") [Харланов Е.И., с.41 - 43]

Перед нами, казалось бы, обычная картина - пространство рощи и лошадь, стоящая под тёмным вязом. Однако пространство рощи находится внутри другого, тоже вполне материального пространства - сумрака. Самоостоятельность и вещественность этого пространства подчеркивается глаголами "увязла" и "шелестит". Роща увязла в сумраке как в некой субстанции, а шелест, посредством метонимического переноса, мыслится как принадлежащий не деревьям, а именно сумраку. Итак, за обычным пространством рощи видится загадочное пространство ночи, причём ночь поглощает рощу, обволакивает ее. В этом непонятном пространстве сумрака искажаются и ви-

дятся совсем другими вещи и живые существа. Например, лошадь в этой субстанции "расплывается", словно вырастая до гигантских размеров, и представляется огромной кляксой на мягком таинственном войлоке. Но здесь присутствует не только визуальное ощущение. Чувства лошади изоморфны чувствам автора. Она не просто "хрустит", стоя под деревом, но ещё и "грустит", задумавшись, словно сам поэт. А может быть, другие существа способны ощущать то же, что и человек. Просто автору дано это осознать. А может быть, лошади дано понять поэта, потому что все в мире взаимосвязано, одно переходит в другое и становится другим. Не случайно "алмазные" глаза лошади "тихо сияют сквозь нас", словно проходят сквозь человека, передавая ему свои ощущения или, наоборот, впитывая человеческие. Лошадь - как человек, как весь огромный мир, как космос. Лошадь, попадая в таинственное пространство сумрака, расплывается, растворяется в нем, и сама уже становится этим миром, впитывает в себя его "заброшенность" и "забытость", пропускает сквозь себя чувства целой Вселенной и отдельного человека - поэта, который стоит в сумраке рощи.

Так осознание того, что окружающее пространство сложно и многослойно, дает поэту удивительное видение поразительного единства природы вещей, даёт ему возможность ощутить себя не просто частью космоса, мира, но понять, как мыслит и чувствует этот мир.

Обычное пространство в поэзии Е. Харланова часто граничит с ирреальным, причём граница эта обозначается вполне чётко, превращаясь в художественный образ. Такой приём использует поэт в стихотворении "По самому краешку лета..." Уже в первой строке стихотворения автор прибегает к подобной метафоре.

По самому краешку лета,
где пыль, где махорка растёт,
с глазами табачного цвета
идёт восхитительный кот.

Он вправо и влево шагает.
Посмотрит – а там никого.
Поэтому всюду слагает
стихи про себя самого.

[Харланов Е.И., с. 67]

Оказывается, что кот не просто гуляет по пыльной тропинке, поросшей махоркой, - он идёт по границе миров - реального и какого-то иного. Сразу в данном случае возникает четкая ассоциация с пушкинским сказочным котом. Однако чувства, вызываемые стихотворением Е. Харланова, несколько иные. И в пушкинской поэме, и в харлановском стихотворении кот принадлежит к неким поэтическим сферам и сам является поэтом. Но кот Е. Харланова более современен, поскольку в его "творчество" вплетаются современные мотивы - пустота ("Посмотрит - а там никого") и связанный с этим определенный эгоцентризм ("Поэтому всюду слагает / стихи про себя самого"). Эта необычная передача чувств современного поэта достигается за счёт все того же соотнесения некоего живого существа с пространством, в котором оно существует. Кот не просто идёт по тропинке, а гуляет по границе обычного и ирреального миров, причём граница эта названа "краешком лета". У Е. Харланова лето очень часто понималось просто как время, хотя и весьма своеобразно. Например, И. В. Подольская об этом пишет: "Время дискретно, и в силу этого оно наблюдаемо, оно производно от событий, некоторые из которых стали словно частью Времени (Весна, Лето, Осень, Зима, День, Вечер, Ночь, Утро). События имеют инвариантный характер, в силу этого они повторяются на круге Времени" [Подольская И.В., с. 57]. Но в данном стихотворении лето - это не только время, но еще и определённое пространство, которое имеет четкую границу с непонятным, фантастическим пространством творчества, "дремучих дебрей души".

Кругами планидными ходит.
Робеешь – за ним не спеши.
Он сказкой да песней заводит

в дремучие дебри души.

[Харланов Е.И., с. 67]

Благодаря умению находиться на границе нескольких пространств, кот Е. Харланова приобретает способность отражать в себе весь мир - прошлый и современный, обыденный и ирреальный во всём его многообразии: «Весь мир и живой, и громадный / сияет в глазах у кота!» [Харланов Е.И., с. 67]

Обыденное, привычное для нас пространство и ирреальное часто находятся рядом, но ирреальное пространство многомерно, оно как бы расширяется по спирали, поглощая поэта. Такова структура пространства в стихотворении "На даче".

На даче тихо ... С пустоты,
висячей и стоймя стоящей,
горят высокие цветы
в истоме, страхи бередящей.

От этой праздности, от дум,
причудливых,
как сны возницы,
кто знает, что придёт на ум,
какие помыслы возникнут.

Бродячий пёс в цветке тряпья,
как шмель мохнатый, спит и дышит
и в жаркой дрёме
чуть колышет
глухие тайны бытия

Он едет в лёгком колесе
из спящего худого тела.

До страшных тайн ему нет дела,
да и его забыли все ...

Он только пользуется тем,
что солнце нагревает темя,
что мир ещё у лёгких стен
по-летнему вращает тени.

Он только вздрагивает там,
когда начнут его внезапно
окликать по именам,
уже забытым
безвозвратно ...

Так, душу выманив за круг,
где связь миров неощутима,
тебя окликают вдруг,
но давнее
забыл ты имя.

("На даче") [Харланов Е.И., с. 15 - 16]

Опять, казалось бы, исходя из названия стихотворения, речь должна пойти о привычном для нас мире - даче. Но Е. Харланов за обычными вещами и событиями видит тени других миров, проплывающих рядом, поэтому стандартное восприятие ситуации выражено лишь первой фразой стихотворения: "На даче тихо..." А дальше читатель сразу получает как бы иной угол зрения: "С пустоты,/ висячей и стоймя стоящей,/ горят высокие цветы/ в истоме, страхи бередящей." Оказывается, рядом с привычным пространством сада и огорода соседствует какое-то другое, непонятное "пустое" пространство, о котором поэту дают знать цветы, причудливые живые создания, способные влиять на человека и многое рассказать тому, кто умеет читать их

намеки. От осознания присутствия притаившихся рядом непостижимых миров поэту становится немного не по себе, но только немного, т. к. страхи, вызываемые таинственными цветами, скорее, приятные, они пробуждают у поэта интерес узнать, что скрывается за обыденным, привычным для нас пространством. И поэт начинает мечтать, утомленный и убаюканный лучами полуденного солнца. Он замечает спящего бродячего пса, его мысли и чувства передаются псу, поэт вместе с этим существом совершает причудливое путешествие по кругам своей памяти, цепляя при этом, как это всегда бывает во сне, причудливые обрывки различных ассоциаций. Так всплывает в воображении, на первый взгляд, непонятный "возница", который, впрочем, потом оказывается вполне логичным, т. к. поэт и пес во сне движутся, кружат по спирали, словно уснувший возница, описывающий подобные круги уже не по своей воле.

Поэт сравнивает пса со шмелем, уснувшим в цветке. Но пес не просто спит, он "в жаркой дрёме / чуть колышет/ глухие тайны бытия", т. е. приобщается к неким таинственным мирам. Пес и поэт вместе с ним словно уезжают во время сна за границы обыденного мира. Происходит выход из обычного пространства в ирреальное. Впрочем, автор верит в возможность подобного перемещения. Это ирреальное пространство имеет определённую структуру: оно предстает в виде расширяющихся по спирали кругов, которые постепенно поглощают, затягивают в себя поэта. Вот почему в тексте присутствует образ кольца или круга. Это выражено различными словесными формами. Сначала это лишь смутный, едва уловимый намёк на движение по кругу - "сны возницы" (здесь же в нашем сознании впервые возникает ассоциация с колесом), затем пес "едет в легком колесе из спящего худого тела", потом круги расширяются, говорится уже о целом мире, который "у лёгких стен по-летнему вращает тени", и в конце стихотворения сознание поэта уже уходит за пределы привычного мира вещей, его душу словно выманивают за круг, "где связь миров не ощутима".

Таким образом, ирреальное пространство, в начале стихотворения только намекающее о своём присутствии, как бы открывается, начинаясь с точки вращения - метафорического цветка, в котором засыпает пес. В состоянии дремы для пса и поэта незримое ирреальное пространство обретает очертания и звуки, "легкие стены" мира начинают вращаться, обыденное пространство поглощается ирреальным, оно, как расширяющаяся спираль, затягивает в себя поэта.

Эти удивительные метафоры передают понимание сложного мироустройства, т. к. во время сна поэт может свободно перемещаться из реального пространства в то, которое хранит информацию о прошлом, в котором он жил когда-то. Во сне поэт способен понять или вспомнить, что в других мирах у него были иные имена и обличья. И здесь образ пространства тесно связывается с образом времени, т. к. речь идет о воспоминании, о "забытых" именах. Попадая в это пространство-время, имеющее в поэзии, в отличие от научного представления, кольцевую структуру, поэт словно уезжает от самого себя и мысленно уже выходит за границы своего земного существования. Как справедливо замечает И. В. Подольская, перед поэтом открываются "такие пространства, такой мир, в котором он ощущает даже не себя, а свою душу ..." [Подольская И.В., с.73]

Способ изображения пространства многое говорит о мировоззрении автора. Так, В. Г. Руделёв справедливо отмечает, что Е. Харланов мог " в простом, подчас рядовом явлении увидеть связь времён и пространств, диалектику Бытия, космическое назначение человека и все прочее, что только можно увидеть, пристально вглядываясь в то, что дано в ощущениях и осмыслениях" [Руделев В.Г., с.15]. Для Е.И. Харланова пространство является неким фоном, оттеняющим мысли и чувства поэта, дающим ему возможность запечатлеть мимолетные ощущения, показать мир во всем его многообразии.

1. Подольская И. В. Языковые средства создания художественного образа (на материале поэтических текстов Евгения Харланова): Моногр. Тамбов, 2004.

2. Руделёв В. Г. Поэтическая школа Евгения Харланова // Поэтические школы Тамбова. Прецедентные феномены тамбовских писателей в современной русской литературе: сб. науч. ст. Тамбов , 2008.

3. Харланов Е. У придорожного камня: Стихи. Тамбов, 1993.